

От автора

С той минуты, как стрелки часов истории человечества указали на XXI век, на нашей планете с населением в семь миллиардов человек с удвоенной силой начали происходить небывалые перемены — всесторонние, значительные, глубочайшие. Мир вступил в новую эпоху великих изменений, великих революций, великого передела. Социалистический Китай, где проживает одна пятая населения земного шара, вступил на путь национального возрождения, а в его отношениях со внешним миром произошел коренной поворот. Сосредоточившись на глобальном прогрессе, перспективах человечества и ситуации в собственных странах, международное сообщество задумалось: а какое значение имеет подъем Китая, как правильно развивать и поддерживать отношения с ним? И хотя коммуникационные технологии сегодня достигли небывалого уровня, в новых обстоятельствах прямой диалог человека с человеком, государства с государством, а особенно державы с державой, — лицом к лицу, сердцем к сердцу, глаза в глаза — стал важен и нужен как никогда прежде.

Более десяти лет назад китайские лидеры задумались о комплексной оценке ситуации в мире, о создании успешного государственного курса, о принятии решений, исходя из реального положения дел. Оказавшись в авангарде исторического процесса, они своевременно вершили большую политику: вступали в стратегический диалог с великими державами, вели честное и открытое взаимодействие и идеологический обмен по таким важнейшим, а главное, масштабным, стратегическим и ориентированным на будущее вопросам, как мировая обстановка, тенденции в развитии Китая, двусторонние и международные отношения, а также перспективы человечества, мировой общественный

共同构建人类命运共同体的新形态
（共同）
（共同）
（共同）

作，共同维护好“地球村”和共同

推进人类利益和命运共同体的建设

宏大的使命，
都负有自己的责任，但大国责任更

为重，
为在2013年至2015年间

（在）
（在）
（在）

（在）
（在）
（在）

和欧盟等对话伙伴进行了

富有成效、极具深度、广泛、有深度、

（在）
（在）
（在）

порядок и глобальное управление. Они обсуждали, как верно оценивать происходящие в мире перемены и развитие государств, как адаптироваться к изменениям в идеологии, мышлении, политических установках, политическом курсе и моделях поведения, как укрепить доверие и ускорить расширение сотрудничества, совместно построить новую систему международных отношений, способствовать защите интересов людей и созданию «сообщества единой судьбы», защитить планету, наш общий дом. В деле формирования мирного, благополучного, процветающего и гармоничного общества ответственность лежит на каждой стране, но бремя, падающее на плечи великих держав, тяжелее прочих. Когда империи соблюдают основные принципы международных отношений и руководствуются добродетелью во взаимодействии друг с другом и с более слабыми государствами, то для любой проблемы поддержания глобального порядка и управления им всегда найдется свое решение.

Почти целое десятилетие — с 2003 по 2010 год — китайская рабочая делегация под моим руководством вела стратегический диалог с крупными странами и межгосударственными объединениями: США, Россией, Японией, Францией, Великобританией, Евросоюзом. Это было богатое по содержанию, гибкое по форме и, конечно, эффективное общение, с нужным масштабом и глубиной. В этот период мы неоднократно встречались с первыми лицами государств и главами правительств. В атмосфере взаимного уважения и абсолютного миролюбия мы обменивались мнениями, но это были не пустые разговоры, оторванные от реальности. Стороны всегда старались найти и приумножить точки соприкосновения, но вместе с тем не отрицали имеющиеся противоречия, разногласия и конфликты. Все руководители государств высоко ценят такую форму диалога. Сам диалог, безусловно, не является панацеей, но производимый им положительный эффект затрагивает множество областей: он приносит ощутимые результаты и влияет на дальнейший ход развития событий, от чего выигрывают как отдельные страны, так и весь мир в целом.

За это время мир пережил несколько локальных войн, обострений обстановки в горячих точках и финансовых кризисов, однако Китай

не упустил возможностей для развития: по совокупному объему экономики он перегнал даже таких гигантов, как Франция, Великобритания, Германия, Япония. Китайская экономическая система вышла на второе место в мире, совокупная мощь государства, его международный статус и авторитет заметно повысились, отношения с крупными государствами получили устойчивое развитие, окружающая обстановка обрела стабильность. В приоритет вышли суверенитет Китая, его безопасность и развитие, а во внешней среде появились более комфортные условия для национального прогресса.

Вот в такой переломный момент, когда в мире и внутри страны происходили грандиозные перемены, Китай сумел сохранить уверенность в своих силах, хладнокровие и решительность, взял верный стратегический курс и перехватил инициативу. В условиях глобального мира и стабильности он последовательно и масштабно приступил к процессу возрождения китайской нации. В каком-то смысле этот процесс неотделим от того самого успешно состоявшегося стратегического диалога и от эффективного взаимодействия его стран-участниц по вопросам стратегических намерений. Некоторые считают, что это вполне достойно называться великой китайской инновацией и китайским секретом успеха в начале XXI века.

Со времени провозглашения политики реформ и открытости прошло чуть более тридцати лет¹. Наша развивающаяся социалистическая держава только учится общаться с внешним миром. Как правильно оценить глобальные перемены и трезво определить свое место в мире, как применить научный подход к планированию и реализовать мирное развитие на практике, как грамотно вести общение с другими странами и разрешать международные конфликты, как осуществлять дипломатию великой державы с китайской спецификой — стратегический диалог длиной в десять лет дал нам уникальную возможность для глубокого осмысления, изучения и понимания этих вопросов.

Это время стало шансом научиться новому, поразмыслить, стать лучше и для меня лично. Оно помогло мне глубже понять мир, Китай,

¹ Реформы в КНР были начаты в конце 1970-х гг. и продолжаются по сей день, то есть на момент редактирования этой книги — уже более сорока лет. — *Примеч. ред.*

страны, с представителями которых я вел диалог, завести дружбу с прекрасными стратегами, а главное, разобраться, как Китай, быстроразвивающаяся страна с огромным населением и обширнейшей территорией, должен взаимодействовать с миром и устанавливать контакты с другими странами. А это, в свою очередь, будет способствовать делу возрождения китайской нации, послужит благополучию всего человечества.

Данная книга — беглый взгляд на десять лет стратегического диалога вперемешку с моими личными чувствами и мыслями. Здесь также будет немного рассказано о ранних годах моей жизни, а особенно о влиянии Нового Китая на мое воспитание и взросление. Мой опыт по работе с Советским Союзом и период внешнеполитической деятельности в Международном отделе ЦК КПК сыграли свою роль в моем успешном руководстве стратегическим диалогом и выполнении очень непростых поручений. Ведь каждый новый диалог — это не столько физическое или интеллектуальное испытание, сколько вызов способностям и воле.

Радостно сознавать, что сегодня, когда эти мемуары уже опубликованы, работа Министерства иностранных дел вышла на новые рубежи. С уверенностью заявляю, что будущая деятельность ведомства представляется мне еще более успешной. Никто не безгрешен, и я со своей книгой — не исключение, а потому прошу читателя не стесняться и высказывать свои замечания.

Глава первая.

Я вышел из Великих гор

НАША МЕСТНОСТЬ НАЗЫВАЕТСЯ ЮНЬНАНЬ-ГУЙЧЖОУСКИМ НАГОРЬЕМ. ТАМ ВЫСОКИЕ ГОРЫ И ГУСТЫЕ ЛЕСА, И ПОЧТИ ВЕЗДЕ БЕЗЛЮДНО. ИЗВИЛИСТЫЕ ДОРОЖКИ ПЕТЛЯЮТ МЕЖ ГОР — УЗЕНЬКИЕ ТРОПИНКИ, КРАЯ КОТОРЫХ ЗАРОСЛИ БУРНОЙ ПОЛЫНЬЮ. МОЖНО ДОЛГО ИДТИ ПО ДОРОГЕ И НЕ ВСТРЕТИТЬ НА ПУТИ НИ ЕДИНОЙ ДУШИ.

16 марта 2013 года в 16.08 я вышел из своего рабочего кабинета в резиденции «Чжуннаньхай», поставив точку в своей почти полувековой дипломатической карьере, и стал пенсионером. А 27 марта я вернулся на родную землю, которая взрастила меня и с которой я простился много лет назад. Именно из этих Великих гор я вышел в возрасте семнадцати лет, потом добрался до Пекина, чтобы когда-нибудь шагнуть за пределы Китая. Я побывал во многих странах мира, я любовался красотами нашей планеты. Все страны хороши по-своему — и большие, и маленькие, и бедные, и богатые, и могущественные, и слабые, но для меня Родина всегда оставалась самой прекрасной, самой близкой моему сердцу.

Лю Бовэнь (советник основателя династии Мин Чжу Юаньчжана) как-то писал: «К югу от Янцзы текут сотни рек, в Гуйчжоу и Юньнане высятся тысячи гор». Именно среди этих «тысяч гор» я и родился

в марте 1941 года на горе Шамушань в маленькой горной деревушке Дуймацунь уезда Иньцзян² провинции Гуйчжоу. Недалеко оттуда расположена буддийская святыня, горы Фаньцзиншань: в ясную погоду можно увидеть их блестящие пики. Фаньцзиншань покрыты девственным лесом, который простирается на пятьсот с лишним квадратных километров, — настоящее зеленое сокровище, которое мы вряд ли встретим где-либо еще в этих широтах.

Иньцзян считается старым революционным районом, где высоко ценятся традиции освободительного движения. Он также широко известен как родина каллиграфии, здесь родились несколько великих мастеров этого искусства. Например, табличка с названием на воротах парка Ихэюань в Пекине — это произведение иньцзянского каллиграфа Янь Иньяна. Уже несколько веков в нашем уезде стоит павильон Вэньчана, названный в честь мифического покровителя просвещения.

Иньцзян расположен в отдаленном от цивилизации уголке Китая, но когда-то здесь проходил важный торговый путь: отсюда китайские чай, шелк и фарфор отправлялись в страны Южной Азии. В пятидесятые годы первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру в своем разговоре с Чжоу Эньлаем³ вспоминал, как в юности он вместе с индийским торговым караваном приезжал в древний городок неподалеку от наших мест.

² Иньцзян-Туцзя-Мяоский автономный уезд. — *Примеч. пер.*

³ Чжоу Эньлай (1898–1976) — политический деятель, первый глава Госсовета КНР. — *Примеч. ред.*

Моя родная деревня (гора Шамушань, деревня Дуймацунь уезда Иньцзян провинции Гуйчжоу)

Встреча со старшим поколением родной деревни по возвращении домой после выхода на пенсию. Март 2013 г.

Отец и мать

Предки рода Дай происходят из района Цзиань провинции Цзянси. Они перебрались в Гуйчжоу где-то в конце эпохи Мин и смешались с местным населением.

Моего деда звали Дай Жугуй. Он был добрым человеком, на моей памяти дед ни разу не выходил из себя и не сердился. Бабушка носила фамилию Жэнь и не имела имени, поэтому ее называли Дай Жэньши («Дай по фамилии Жэнь»). К пятидесяти годам она совсем ослепла. Дед с бабушкой ушли из жизни в возрасте чуть более шестидесяти лет.

Моего отца звали Дай Хэндэ. Он носил второе имя Цзиньсю и был старшим сыном в семье Дай. Говорили, что только один Дай из поколения моих прадедов получил степень *сюцая*⁴, а после него все были сплошь простые земледельцы. Когда отцу исполнилось восемнадцать лет, дед затеял раздел имущества, но семья продолжала жить вместе. Старый дом семьи Дай представлял собой деревянное строение из трех крыльев: мы жили в восточном крыле, дед — в западном, а посередине нас разделял зал. На верхнем этаже жил еще прадедушка, так что под одной крышей проживали четыре поколения.

Отец какое-то время брал частные уроки, и в нашей деревне все считали его ученым. Сначала мы арендовали чужую землю для посевов. Потом отец стал ходить в окрестные уездные городки и продавать поваренную соль и холстину, зарабатывая на разнице в цене. В гуйчжоуских поселках тогда орудовали разбойники: многие мелкие лавочники

⁴ *Сюцай*, или *шэньюань* — в императорском Китае обладатель начальной ученой степени, по результатам экзамена системы *кэцзюй* уездного уровня. Получивший ученую степень мог претендовать на занятие должности чиновника соответствующего ранга. — *Примеч. ред.*

подвергались набегам и часто возвращались домой в одном исподнем, успев ухватить с собой только палку коромысла. Отцу повезло, ему не довелось встретиться с грабителями. Еще до освобождения Китая⁵ своим упорным и тяжким трудом он все-таки сумел заработать на несколько участков земли. Один из них был достаточно крупным, и когда после 1949 года общество стали делить на классы, нас причислили к крестьянам-середнякам. Теперь мы кормились из двух корзин⁶.

Мое детство было тяжелым. Когда я закончил среднюю школу, отец продал одну из наших свиней, чтобы дать мне возможность продолжить обучение. Он говорил: «Маленький мой, если ты согласен хорошенько попотеть и выучиться, то я горы сверну, чтобы дать тебе все это. Но уж если ты с учебой не справишься, меня винить не надо». Думаю, что, не будь у меня такой отцовской поддержки, я бы вряд ли доучился в старшей школе. Отец был очень сильным человеком, насколько я помню, он плакал всего однажды. Возможно, тогда его кто-то сильно оскорбил.

Отец всегда требовал от нас очень многого и в учебе, и в труде. Обычно после ужина он слушал наше чтение наизусть, а если мы что-то забывали, отвечивал затрещины или вообще выставлял на улицу. Мне было всего пять лет, когда отец отправил меня работать в поле. В свой первый день голенький я вместе со взрослыми высаживал рисовые ростки. Иногда, когда приходила страдная пора, отец еще затемно вытаскивал меня и моего старшего брата из кроватей, и мы шли за ним обрабатывать землю. Втроем мы еще час или два трудились под звездами, пока наконец не рассветало. Летом мы, не разгибаясь, полли сорняки на рисовых полях, а потом со спины облезала обожженная солнцем кожа. В осенние и зимние месяцы мы с братом собирали хворост на всю семью. Все эти пережитые тяготы крестьянской жизни приучили меня к изнурительному труду. Отец любил выпить на ярмарках, а потом пьяный возвращался домой и срывался на всех. Однажды, придя домой после работы, я стал просить его пить поменьше, но он не пожелал меня слушать и тут же вспылил: «Старик хочет

⁵ До провозглашения КНР в 1949 г. — *Примеч. пер.*

⁶ Подразумевается, что одну часть земли они сдавали в аренду, а на другой работали сами. — *Примеч. пер.*

Отец Дай Хэндэ и мать Лю Чэнсян. 1974 г.

С матерью на площади Тяньаньмэнь в Пекине. 1972 г.

выпить — тебе-то какое дело!» И все-таки, пусть отец порой и кричал на нас, в обычное время он был очень заботлив. Ребенком я часто болел, и он всегда просыпался затемно, чтобы приготовить для меня лекарство. Его суеющийся силуэт в лучах рассветного солнца стал самым ярким воспоминанием моего детства.

Мою мать звали Лю Чэнсян. Она была отменной швеей, вся моя школьная одежда была соткана и сшита мамиными руками. Отец с матерью были одноклассниками, а дома их семей отстояли друг от друга всего на шесть-семь ли⁷. У родителей матери финансовое положение было попрочнее, чем в семье Дай. Мама вспоминала, как в год их свадьбы через уезд Иньцзян проходила Красная армия, направлявшаяся в Великий поход. Они разбили в деревушке лагерь, а проходя мимо наших дверей, говорили: «Земляки, не бойтесь!» Иньцзян стал местом соединения Второй и Шестой армий. В 1979 году уездное правительство поставило памятник в честь этого события.

Мама была очень трудолюбива, следила за чистотой и прекрасно готовила. Я и сейчас могу почувствовать на языке вкус тех лет, такой же яркий, как мои чувства к маме. Она была прелестной женщиной с забинтованными ножками и кротким нравом, вот только не знала грамоту и не получила хорошего воспитания. Внешностью и характером я пошел в нее, тогда как брат был больше похож на отца. В моих детских воспоминаниях родители не покладая рук трудятся с утра до вечера. Мы уже ложились спать, а мать все продолжала возиться с тканями, да отец во дворе косил траву для свиней. Проснувшись утром, мы обнаруживали, что они уже встали и принялись за работу. Помню, как мама сидела за станком и вертела челнок: от усталости у нее слипались глаза и голова клонилась книзу, как у курочки, клюющей зерно. Каждый вечер я погружался в сон под мерное жужжание этого станка. Когда я учился в шестом классе начальной школы, то каждую неделю возвращался домой, и я отчетливо помню, как мама в ночи вылавливала вошек с моей одежды, обдавала ее кипятком, сушила на бамбуковой жаровне и снова отправляла меня учиться.

⁷ Один китайский ли равен примерно 500 м. — *Примеч. пер.*

Помимо меня в семье были еще старший брат, два младших брата и две маленькие сестренки. Поскольку мальчиков хватало, меня чуть было не отдали живущей по соседству тетке. Отец даже успел согласиться, что я должен расти в той семье и продолжать их род, но я заупрямился намертво. Сейчас всех наших младшеньких уже нет в живых, остались только мы со старшим братом.

Самый младший из нас всю жизнь занимался земледелием. Однажды случился пожар, который постепенно охватил деревню и уничтожил все дома. Эта участь не миновала и наше старое жилище. После пожара братишка повсюду искал ненужные кирпичи и стаскивал их в кучу, чтобы построить новый дом. Наверное, он тогда и надорвался, да к тому же часто выпивал местный самогон — сжег себе желудок и заболел раком. Я повез его на лечение в Пекин и принялся искать деньги на операцию, но врач сказал, что уже поздно, ничем помочь нельзя. Мне оставалось только в слезах везти брата домой. После возвращения он мучился от нестерпимой боли и утопился, не сказав никому ни слова. На момент смерти ему было всего сорок лет. Его жена вышла замуж второй раз, а дети остались на воспитание старшему брату, сестренкам и мне.

Второй младший брат окончил среднюю школу и остался в деревне, где стал преподавать в местной школе. Он был хорошим учителем и приятным человеком. Как-то он подхватил воспаление легких, но не долечился и поспешил выйти на работу. В результате его болезнь обострилась и переросла в туберкулез. Обеспокоенный отец принялся водить его по врачам, но все было безрезультатно. Когда брат умер, проводить его в последний путь пришли несколько сотен человек, и все они говорили, что он был прекрасным человеком, каких мало на этом свете.

Старшая из моих сестер осталась без образования, наверное, потому что тогда больше ценились мальчики, а девочками пренебрегали. В трудные времена, когда еды не хватало, она думала прежде всего об отце и матери и всегда припасала для них что-нибудь съестное. В конце концов у нее начался гепатит, который быстро прогрессировал в цирроз печени. Сестра умерла, еле успев справить свое тридцатилетие. На тот

момент я уже работал в Пекине. Вернувшись домой, я пошел на могилу сестренки и горько расплакался. Родители здравствуют, а сестры и двух братьев уже нет с нами... Где это видано, чтобы родители хоронили своих детей!

У второй сестры судьба сложилась чуть менее печально: недавно она умерла от рака в возрасте пятидесяти восьми лет. Перед смертью она работала медсестрой в уездной больнице.

Старший брат родился раньше меня на три года. После образования Китайской Народной Республики, когда в нашем уезде впервые появилась средняя школа, он был в числе первых записавшихся. Закончив обучение, брат сначала какое-то время занимался преподаванием в деревушке в десяти с лишним километрах от нашего дома, а потом присоединился к гидротехнической рабочей бригаде. Тогда ему было всего пятнадцать лет. Затем он поступил в Гуйяньское училище водного хозяйства и, отучившись, решил поступать в университет, но я разделял то же стремление, а наша семья не потянула бы сразу двух студентов. Ему оставалось довольствоваться спецкурсом. До самой пенсии брат проработал техником гидроэлектрических систем.

В моем детстве об электрическом освещении не было и речи, да что там, в доме не нашлось бы даже керосинки. По вечерам мы читали при свете масляной лампы: обдирали лучину, обнажая ее мягкий стержень, погружали фитиль в плошку с тунгвым маслом и поджигали его. Это был по-настоящему тихий огонек... Как ни странно, при таком тусклом свете я отнюдь не стал близоруким, зрение начало постепенно падать только после того, как я поступил в университет. Думаю, это было связано с недостаточным питанием: мое обучение пришлось на те самые три года стихийных бедствий — Великий китайский голод (1959—1961).

После учебы мы с братом уже не могли трудиться в поле с родителями, но они никогда не жаловались. Да и потом, когда мы вышли на работу, если им случалось заболеть, они старались не упоминать об этом, чтобы лишний раз не беспокоить нас. Однажды отец тяжело заболел и чуть не умер, но даже тогда он молчал до последнего, не хотел отвлекать меня от службы. Покинув отчий дом в стремлении к знаниям в 1959 году, я очень редко приезжал повидать родителей. Я был

Фото в традиционной одежде родного края — национальном костюме народности *туцзя*

у них как-то в 1974-м и потом в 1989-м, но в прошедшие между ними пятнадцать лет домой не возвращался. Сначала просто не было денег на эту поездку, а потом из-за рабочих хлопот не оставалось времени. К счастью, родители мыслили прогрессивно и хорошо понимали характер моей работы.

Отец скончался в 1990 году, мать — в 1991-м. Оба раза я не успел на их похороны, о чем страшно сожалею. Когда весть о смерти отца дошла до посольства КНР в Венгрии, моя супруга молчала об этом целую неделю. Я чувствовал, что она что-то недоговаривает, и наконец она сдалась под натиском моих вопросов. Я долго скорбел, но взял себя в руки и отправился заниматься текущей работой. Быть дипломатом — это особая миссия, и многим моим коллегам тоже случалось оказаться в подобной ситуации. Нельзя одновременно быть почтительным сыном и достойным гражданином своей страны — тут уж ничего не поделаешь. В свой последний приезд к родителям я был поражен тем, как они состарились, и решил остаться подольше, чтобы позаботиться о них. Я пробыл дома четыре дня. Отец хотел, чтобы я сходил с ним посмотреть на могилу, которую он для себя выбрал, но я не пошел, решил, что еще успеется. Родители умерли друг за другом, и их похоронили рядом. Могила находится наверху, на склоне горной долины, откуда открывается прекрасный вид на окрестные просторы. Еще в детстве мы знали, что это волшебное место: ведь даже в разгар зимы там никогда не лежал снег, и никто не мог объяснить почему. Наверное, отец выбрал это место, потому что боялся замерзнуть и решил, что там им будет теплее.

На бесконечной дороге знаний

Осенью 1952 года я поступил на обучение в полную начальную школу поселка Баньси, который находился в пятнадцати ли от нас.

В те времена пятый класс начальной школы и выше назывались высшей ступенью, а все до четвертого класса включительно — малой. Если в школе вели занятия для пятых и шестых классов, то она считалась полной, если нет — малой начальной. В нашей деревне только три человека отучились в школе, и то всего три года, поэтому получили только малый начальный уровень образования. Я помню, как мы пришли записываться в школу, и я сказал, что хочу ходить в пятый класс. Как назло, пятого класса в том году не было, только шестой. Брали туда по результатам вступительного экзамена, который мы и пошли втроем сдавать. Успешно сдали двое, и я был одним из них.

Сейчас я понимаю, что смог сразу поступить в шестой класс полной начальной школы во многом благодаря тому, что достаточно рано освоил грамоту. Как-то раз во время уборки я случайно наткнулся на книги, по которым занимался в домашней школе. В период «культурной революции»⁸ все они были причислены к категории «четырёх пережитков»⁹, и если бы мой отец, рискуя жизнью, не спрятал их у себя, они давно бы превратились в пепел в руках *цзаофаней*¹⁰. Ему

⁸ «Культурная революция» (1966–1976) — идейно-политическая кампания, направленная на противодействие возможной «реставрации капитализма», борьбу с «внутренним и внешним ревизионизмом», на уничтожение политической оппозиции. — *Примеч. ред.*

⁹ Государственная политика во время «культурной революции», направленная против старого мышления, старой культуры, старых привычек и старых обычаев. — *Примеч. пер.*

¹⁰ *Цзаофани* — участники рабочих организаций, созданных во время «культурной революции». — *Примеч. ред.*

удалось спасти пять или шесть книг из домашней школы: «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Срединное и неизменное»), «Лунь юй» («Суждения и беседы»), «Мэн-цзы» и что-то еще. Они были скреплены прошивкой, их титульные листы потемнели от времени.

Глядя на эти книги, я невольно вспоминаю, как учился в домашней школе. Рядом с нами жил мой дядя (младший брат деда), который занимался преподаванием. Не имея собственных внуков, он очень любил нас с братьями. Однажды, когда он отправлял меня на занятия, я закричал, потому что не хотел идти. Тогда дядя схватил меня за ухо и силком притащил в класс.

Я был совсем маленьким, когда стал ходить в домашнюю школу, и наставники не требовали от меня понимать содержание книг, нужно было просто учить их наизусть. На моих учебных пособиях остались красные пометки, а в конце стояла печать: «Дай Бинго изучил и освоил в таком-то месяце такого-то года». «Изучил и освоил», видимо, значит, что я их вызубрил.

Среди четырех отцовских книг, что я изучил, сохранился и листок со стихотворением, которое я написал примерно в девять лет:

Небесное облако белой точкой
Мечется между западом и востоком.
Косые лучи сквозь тумана клочья
Бьют из-за синей горы бесконечным потоком.

Мое счастье, что я так рано оказался в домашней школе и освоил основы филологии. Иначе мне бы никак не удалось поступить на высшую ступень.

Уже с начальных классов мое образование было достаточно традиционным. Тогда особое значение придавалось формированию правильных политических и моральных взглядов у юного поколения. Поэтому на каникулах мы каждую неделю приходили в школу на день пионера. Я даже оформил подписку на журнал «Хун линцзинь» («Красный галстук») и регулярно просматривал его. Первой прочитанной мной книгой стала «Лю Хулань», за ней последовали «Горы Цзяншань длиной

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru